

Родину не сдашь в приют для престарелых, и поэтому те, кому она мешает жить, изводят её на нет. Пожарами... потравами... погромами...
А родина наша молчит и смотрит. Не на нас, а куда-то сквозь нас.

И стучатся,
 стучатся,
 стучатся
в окна к нам
наши меньшие братья,
чтобы нас, старшаков,
привести в надлежащее чувство —
достучаться не могут...

Два слова завещал нам никогда не забывать писатель Евгений Носов, фронтовик призыва 1943 года: *«Покормите птиц»*.

«Давайте строить кормушки прямо на улицах! Покормим птиц — и наша совесть будет чиста», — написала в газету иркутская школьница Таня Гудаева, а пенсионер Александр Хлопицкий заключил: *«Кормить птиц и сажать деревья — самые прекрасные занятия на земле»*.

Кто родиной болен, тот птичьим гриппом не заболеет. Давайте строить кормушки! Давайте с этого, казалось бы, малого дела начнём очищать свою совесть от великой скверны!

Чтобы родину любить,
её нужно в себе почувствовать и понять,
что ты без неё — человек неполный.

*Публицистическая поэма
памяти Веры Ивановны Зубовой,
моей матери*

С чего начинается родина?..

В отцовском шлеме
27 августа 1944 года

*С окошек, горящих вдали.
Со старой отцовской будёновки,
Что где-то в шкафу мы нашли.
А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.*

С чего начинается родина?..

Песня из к/ф «Щит и меч»

Есть в повести Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика» разговор сына с отцом. Привожу его из давней радиопостановки, не заглядывая в книгу, по памяти, — таким, каким запомнил с детства на всю жизнь:

— Папа! Стой какую-нибудь солдатскую песню.

— Хорошо... Слушай.

*Горные вершины
Спят во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.*

— Папа! Это хорошая песня, но ведь она же не солдатская.

— Как это не солдатская? Идёт отряд. Он устал, идти трудно, впереди перевал. А на перевале белые. “Погодите ещё немного, — говорит командир, — дойдём, собьём... Тогда и отдохнём... Кто до утра, а кто и навеки...” Как это не солдатская? Очень даже солдатская!

* * *

С чего начинается родина?..

*С заветной скамьи у ворот,
С той самой берёзки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растёт.
А может, она начинается
С весенней запевки скворца
И с этой дороги просёлочной,
Которой не видно конца.*

С чего начинается родина?..

Первая птица появилась в нашем доме, когда мне было года четыре. Её, Поглушённую, подобрал и привёз с учебных стрельб мой отец — кадровый советский офицер, начинавший свой армейский путь ещё подростком в частях самарских анархистов, а закончивший — военным советником в Китае.

Он был не речист, с ранней проседью. В 1918 году в Самаре белочехи расстреляли при нём его товарища (анархисты вместе с красными отрядами держали оборону города); у парнишки того вдруг закапали слёзы, и статный красавец чех, погладив его по голове, сказал:

— Не бойся, это не больно... Чик — и всё.

... Утром, перед тем как мне идти в детский сад, мы с отцом выпустили птичку. Кажется, это была синица.

Мама... Она научила меня узнавать знакомых птиц в лицо. В ней самой была заключена какая-то необыкновенная лёгкость, необыкновенная энергия и сила. Окрылённость была её естественным состоянием. Она успевала всё.

Топограф и геолог, позднее — лингвист, она проводила топографические съёмки в казахстанской Голодной степи, заведовала кафедрами иностранных языков, была заместителем председателя городского Совета женщин. В иркутских вузах учила русских немецкому, в Пекинском университете китайцев — русскому.

Птицы её обожали. Каждое утро и каждый вечер в определённый час сотни воробьёв собирались на берёзах возле наших окон и в ожидании традиционного угощения хором славили её на всю округу. В сильные морозы они гроздьями падали ей под ноги, и она, собрав их в отвёрнутую полу своего пальто, несла домой на обогрев. Синички слетали к ней на руки, а голуби наперебой галантно раскланивались. Она умела радоваться птицам и была предана им безгранично.

Эта преданность стоила ей жизни.

Хмурым октябрьским утром я нашёл её лежащей без сознания в кухне под окном. По всему полу был рассыпан приготовленный птицам корм, а в распахнутую

форточку с тревогой заглядывали её маленькие пернатые друзья. Она сорвалась с подоконника, не рассчитав своих ограниченных годами возможностей. Подняться ей было уже не суждено...

Поэт Саша Чёрный умер от разрыва сердца, помогая тушить лесной пожар. Это случилось во Франции, куда его забросили вихри российской революции. На чужой земле, под чужим небом он спасал от огня чужие (но в памяти его сердца — родные) берёзы...

*И где ещё найдёшь такие
Берёзы, как в родном краю!
Я б сдох как пёс от ностальгии
В любом кокосовом раю.*

Впрочем, это уже другой поэт — Павел Коган (погиб в бою под Новороссийском в 1942 году).

Подвиг и подвижничество. Слова однокоренные и по смыслу — близкие, а разница между ними вот такая: **подвижничество — это подвиг, длящийся всю жизнь.**

Лес и птицы выкормили из меня человека, отец с матерью и книги сделали гражданином.

Мы ещё не научились узнавать настоящих предателей. Мы ещё не умеем презирать их...

Было время, когда я часто закахивал в провиантский магазин с удалым и манящим названием «Коробейники» — возле известного всему городу победоносного танка «Иркутский комсомолец».

Но случилось вдруг такое, что я в этот магазин ходить перестал. Не хотел бедить душу, не мог забыть...

Да... Не мог и до сих пор не могу забыть.

В тот памятный для меня год зима стояла суровая, и окрестные воробьи ради своего спасения стали проникать каким-то образом в «Коробейники» и там жить безвылетно, питаясь в бакалейном отделе разными крупками (водой для питья их обеспечивала продавец Света Казимирская, не зря получившая при рождении такое светлое имя).

В бакалейный отдел магазина для развлечения покупателей были поставлены два заводных музыканта размером с пятилетнего ребёнка. Они исполняли какой-то незатейливый мотивчик и кивали головами. Поев, попив и почистив пёрышки, воробьи рассаживались вокруг музыкантов и начинали петь под их музыку свои воробьиные песни.

Покупатели останавливались и задумчиво смотрели: на музыкантов, которых много раз видели и слышали и уже совсем перестали замечать, на воробьёв — точно таких же, сереньких и невзрачных, как все остальные воробьи за стенами «Коробейников», — и в глазах этих людей, в глазах, ещё минуту назад озабоченных целой кучей «проблем», вдруг появлялась спокойная и немного удивлённая своей нечаянностью радость. Они смотрели и слушали — это была уже совсем другая музыка. И мне казалось тогда, что *“в вечном сговоре с людьми надежды маленький оркестрик под управлением любви”*.

В конце января в «Коробейниках» проживало на зимовании уже около десятка воробьёв, они образовали своё маленькое сообщество и вроде бы не скучали.

Время шло к весне, а воробьи не улетали. Но часто подолгу сидели у окна и смотрели на улицу, тихо переговариваясь. Видимо, они не могли найти в большом помещении тот маленький спасительный ход, по которому однажды попали в магазин, и начинали понимать, что оказались в ловушке. Птиц нужно было выручать.

Поначалу я собирался просто попросить кого-нибудь из дирекции магазина открыть в тёплый день фрамугу окна и выпустить воробьёв. Но в один прекрасный вечер мне пришла в голову счастливая мысль: выпустить их не в любой, какой попало день, а 7 апреля — на Благовещение, когда в старину по всей Руси выпускали на волю птиц, переживших зиму в домашнем тепле. И не просто взять да выпустить, а сделать это торжественно, празднично, с участием ребятишек из соседней 21-й школы. А на следующий год можно было бы попробовать организовать целый праздник — по всему городу! — приглядев заранее места таких вот зимних убежищ воробьёв (к сожалению, синички, залетающие в магазины, школы и разные учреждения, как правило, не выживают — гибнут, склёвывая травленых тараканов и не получая по нашей малой осведомлённости или скупости подходящего для них корма: масличных семян подсолнуха и конопля, орешков, несолёного свиного сала, сливочного масла или маргарина, творога, — крупу и хлеб синички не едят).

Как это было бы чудесно! — сразу выпустить повсюду десятки, а может быть, даже сотню нечаянно попавших в неволю пичуг, возродить старую русскую традицию в новой «социокультурной ситуации» (как важно заметил бы занаученный культуролог).

Воображение моё расходилось всё больше и больше, я едва дождался утра следующего дня и сразу же отправился в «Коробейники».

О, как прав — тысячу раз прав был мудрец, учивший нас: *“Спешите делать добро”!*.. В магазине я узнал, что разговаривать, собственно, было уже не о чем: за три дня до моего прихода птицы были расстреляны наёмниками из какого-то охранного агентства.

Только один воробей уцелел, его видели ещё на другой день. Потом он исчез бесследно.

Оплатили труд стрелков щедро: по сто рублей за каждую головку и пару лапок...

...Я взглянул на музыкантов: наверно, что-то разладилось в их механических организмах — головы и руки их судорожно двигались, но музыки не было (позднее я узнал, что наладить музыкантов не удалось, и они были отправлены в подсобку).

Вернувшись домой, я достал и положил на письменный стол коробку из-под конфет «Птичье молоко», отмеченную в бакалейном отделе «Коробейников» ещё совсем недавно — на горькую память! — маленькой запятушкой присохшего птичьего помёта.

Света Казимирская уволилась из «Коробейников» на следующий год. После уже очередного расстрела залетевших в магазин птах.

*Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.*

Всякий раз, когда мне случается проходить мимо «Коробейников», вспоминаю я эти строки Александра Яшина (участника Сталинградской битвы, кстати).

Остались... У птиц, как и у людей, — судьбы разные. Сколько их! — маленьких пернатых нищих — подбирается теперь зимами по автобусным и троллейбусным остановкам, с надеждой, почти с мольбой заглядывая в наши холодные, как зимний день, глаза?

* * *

Андрей Платонов, самый грустный и светлый писатель русской земли (тоже фронтовик, опалённый огнём Курской дуги), написал притчу о старом музыканте и старом воробье — «Тверской бульвар». Напечатать её Андрею Платонову не удалось. Только после смерти отверженного властями писателя, годы спустя, притчу выпустили на свет божий под названием «Любовь к родине, или Путешествие воробья (Сказочное происшествие)». Это чудо о красоте добра, силе духа и мудрости прожитых лет я включил бы безотлагательно во все школьные учебные программы. Здесь каждая мысль, каждая фраза — самой высокой пробы...

Музыкант был на пенсии и *“скупал от мысли, что он не приносит людям никакого добра, и поэтому добровольно ходил играть на бульвар; там звуки его скрипки раздавались в воздухе, в сумраке, и хоть изредка они доходили до глубины человеческого сердца, трогая его нежной и мужественной силой, увлекавшей жизнь высшей, прекрасной жизнью”*.

Воробей был седой — *“должно быть, этот воробей был очень стар или несчастен, потому что он успел уже нажить себе большой ум от горя, беды и долголетия”*.

Судьба свела их у памятника Пушкину на Тверском бульваре; потом развела, чтобы снова свести в последний смертный час непостижимого воробья, который не захотел жить в тепле и довольстве чужих краёв и на свою погибель вернулся из заморского рая в завьюженные голодные переулки милой и горькой родины.

“Седой воробей лежал у него в руке; глаза его были закрыты, ножки беспомощно согнулись, и одно крыло висело без силы. Нельзя понять, обмер ли воробей на время или навечно. На всякий случай старик положил воробья себе за пазуху под ночную рубашку — к утру он либо отогреется, либо никогда более не проснётся.

Напившись чаю, музыкант бережно лёг спать на бок, не желая повредить воробья.

...Воробей умер и забыл навсегда, что он был на свете.

Вечером старый музыкант не пошёл на Тверской бульвар. Он вынул скрипку из футляра и начал играть нежную, счастливую музыку...

Но в музыке недоставало чего-то для полного утешения горюющего сердца старика. Тогда он положил скрипку на место и заплакал”.

В каждом из нас — кто любит мир и знает цену жизни, — как птица в клетке, бьётся *горющее сердце*; каждый из нас нуждается в утешении, потому что все мы — и вольно, и невольно — наносим удар за ударом по жизни других существ.

Здесь скорбно и бессильно умолкает даже самый великий целитель нашего сердца — искусство. Здесь наша извечная вина вызывает к искуплению.

Только прямое и неустанное пособничество торжеству чьих-то хрупких жизней, только спасение обречённого на гибель беспомощного существа может при-

нести человеческому сердцу *полное утешение*, а душе — счастливое чувство собственной необходимости и важности в мире.

Тяжело раненный в бою под Кёнигсбергом русский солдат Евгений Носов, выживший и ставший известным советским писателем, завещал высечь на его надгробном камне два слова: «Покормите птиц».

Захочется ли нам однажды взять и крепко задуматься над причиной трогательной привязанности сурового солдатского сердца к пернатым крохам?

Сумеет ли мы понять, что высокая культура — это не только стихи, соборы и симфонии?

Который год горят леса под Иркутском, Улан-Удэ, Читой, Хабаровском — **горит наша родина**. И сквозь мглу, окутавшую города, уже с трудом проглядывает напряжённо-багровое солнце.

Птицы... Солдаты... Культура... Родина.

Друзья! Хотите знать, что такое настоящее чувство родины? Спросите у воробьёв и синичек — они знают.

Мы окажемся без **родины**,
если не сумеем понять, что она
есть прежде всего наша родная **природа**.
А без родины мы перестанем быть **народом**.

